Глава 2

Наташа почувствовала головокружение. Это было незнакомое ощущение. Она знала, что значит быть четким, ясным, сосредоточенным — ничего больше. Алкоголь на нее не действовал. Она старательно избегала наркотиков. Утром она просыпалась ярко и рано, независимо от того, как долго она бодрствовала или как долго спала. Ее разум, работавший вяло, вызывал для нее слова. Анемия.

Обезвоживание.

Клинт поднес флягу к ее губам. Она хотела сказать ему, что может пить сама, но ее голова кружилась и в то же время чувствовала себя свинцовой — как свинцовый шар, — и он еще больше зажал ее рукой за голову, удерживая ее на месте, пока наклонял фляжку. немного приподнялась и позволила струйке воды смыть пересохшее в горле. Он продолжал так около десяти секунд, Наташа проклинала его, потому что ей приходилось медленно всасывать влагу, но у нее было смутное воспоминание о том, как она выплюнула ее, когда пыталась сразу утолить жажду.

Это не имело смысла. Ничто больше не имело смысла.

Он остановил фляжку и осторожно поставил ее на пол. Наташа видела, что из дыры в крыше льется вода — шел дождь? — и фляга наполняется.

— Хорошо, — сказал Клинт. «Я думаю, что они двинулись дальше».

Наташа была щепетильна в его словах, пытаясь уложить их в свои воспоминания, когда все было в движении, ничего твердого... Террористы, они были рядом, "не поднимай голову", слишком опасно, чтобы заниматься хирургией на поле боя, когда может быть перестрелка, стоп, стоп...

Ощущение - тепло. Она вспомнила импульс сопротивления, потом что-то еще, медленную капитуляцию и прилив спокойствия, безопасности. Смешно чувствовать себя в безопасности здесь, в этой дыре. Она никогда не была в безопасности. Она была тем, кем была.

— Мне нужно проверить раны, — говорил Клинт, снимая с нее куртку. Внезапный наплыв холодного сквозняка…

Наташе казалось, что она разговаривает с ним по сломанному телефону, с медленным соединением, и понимает его слова только через несколько секунд после того, как он их сказал. «Хорошо, доктор».

Клинт поднял взгляд — он принял ее молчание за понимание, а теперь понял, что она… что? Галлюцинации? Наташе не о чем было галлюцинировать. Нет белого света, к которому можно

было бы пойти, нет потерянных близких, чтобы поговорить с ней. Она потерялась в собственном теле, застряв в нем.

***

Клинт стал медленно расстегивать молнию на ее комбинезоне, не из-за какого-то соблазнительного инстинкта — как будто у него было много этого, — а потому, что чем быстрее и грубее он это делал, тем больше он думал, что это будет выглядеть как нарушение, даже нападение. Плохой способ держать свой нос на своем месте с Наташей, ни при каких обстоятельствах.

Наташа слегка застонала, а затем понимающе посмотрела на него, пока он расстегивал молнию. Он подозревал, что она не знала, где находится и что делает, а это в сочетании с кровью повсюду и артиллерийскими ударами вдалеке делало ее жалкой.

На ней был серый спортивный лифчик, немного более скромный, чем подростковые фантазии, которые большинство парней могли бы вообразить. Пропитанная кровью, толстая ткань вдавилась в декольте, прижавшись к покрытому красными пятнами изгибу груди.

На самом деле, куда важнее было узнать, что у Наташи есть веснушки. Целое поле их на ее плечах, как золотая пыль в миске с мокрым песком, шпаклюет, золотит ее ключицу. Он полагал, что в этом есть смысл — рыжая, — но тогда у тебя было ее идеальное лицо с полным отсутствием пор, и ты как бы думал, что ее кожа вообще не подчиняется законам нормальных людей. Крошечные волоски встали дыбом, потрясенные изменением температуры, и Клинт подавил абсурдное желание погладить их.

Он развязал комок бинтов, который оставил на ее огнестрельном ранении, и откинул его для осмотра. Крови больше не было, не слишком сильно, просто вытекал гной. Инфекция. В этой грязной яме она, вероятно, получила её в тот момент, когда ее подстрелили. Он на мгновение уверил Наташу, гладя ее по волосам, шепча ей — он лишь немного знал русский язык, потому что застал холодную войну.

Потом он осушил рану, Наташа застонала — даже не от боли, а от страдания. Она вцепилась в него, как раненое животное, ищущее утешения, зарываясь в него, и он позволил ей повиснуть на своей руке, вытирая гной. Он поднес фляжку к ране, зажав ее горлышко большим пальцем, и сжал ее, чтобы хлынула напорная струя, промывая рану. Наташа откинула голову назад, закрыла глаза и захныкала. Он снова сделал паузу, потратил драгоценные секунды, чтобы сказать ей, что все будет хорошо, маленькая девочка, хорошо, хорошо, хорошо, и наложил теплый компресс. Тепло расширит сосуды вокруг раны, позволив иммунным клеткам попасть прямо в инфекцию.

Он сменил повязку. Его запас русского языка закончился.

«Раньше я делал это для своего брата», — сказал он, позволяя своему рту болтаться без привязи к мозгу — так, как, по словам Наташи, он обычно говорил. — Не дырки от пуль, хотя

это было похоже. Ядовитый плющ, солнечные ожоги и прочее дерьмо. Как-то странно вспоминать об этом сейчас. Наверное, не мне было заботиться о нем. Я был не слишком хорош в этом. Но мамы там не было, папе было неинтересно… Кажется, это был единственный раз, когда мы ладили. Когда я мог позаботиться о нем».

Он спустился к её ноге. Он уже разорвал дыру в ткани раньше, но теперь ничего не поделаешь. Он аккуратно порезал ей штаны, осмотрел рану, очищая ее, меняя повязку. По крайней мере, место не казалось зараженным. Он решил наспех заштопать рану.

***

Боль была знакома. Холод был знаком. Они были окольными путями ее разума, старыми тропами, которые она могла проследить и пройти. В нее уже стреляли, ранили ножом, она истекала кровью, была покрыта шрамами, позволяла мухам садиться на ее зараженные раны, а черви пожирали ее отмирающую плоть. Но это никогда не было легко. Она не была бесчувственной, какое бы впечатление она ни хотела произвести. Она медленно сгорала, распределяя свои страдания по мере их ощущения, готовясь спасти себя.

И оно отпало.

«Я здесь, я здесь…» — снова и снова повторял ей Клинт — на удивление лишенный воображения человек, который брал с собой в бой лук и стрелы.

Он зашивал ее, прокалывающая игла едва касалась ее онемения от шока, боли от потерянной крови. Обычно она делала это сама. Все, что требовалось, это время. Время сломало все, кроме нее. Если бы она могла найти какое-нибудь тихое место, отдохнуть, тогда она могла бы распределить свое исцеление. Остановите ее кровотечение, очистите ее раны, перевяжите их, зашейте их…

Клинт делал это для нее.

Часть ее расслабилась, ослабив бдительность, как она неохотно научилась это делать с врачами в ЩИТе. В Красной комнате ее наказали за отсутствие бдительности даже во время лечения. Если бы она не была осторожна с вживленной костью, доктор намеренно потерял бы ее.

А будучи свободным агентом, она не могла доверять врачам. Когда ей понадобилась фиксация, которую она не могла сделать сама, она старалась не давать им никакой анестезии.

Только в ЩИТе она позволила им погрузить себя под воду, потому что Клинт минут пять кричал на нее о том, как чертовски глупо бодрствовать, когда осколки выдергивают из ее внутренних органов, и, по крайней мере, она хотел вознаградить его за то, что он так долго не повторил ни одного ругательного слова. Словарный запас этого человека был умнее, чем он сам.

Но она еще никогда не делала этого в полевых условиях. Она могла разделить безопасность на части, убедить себя, что часть ее жизни в безопасности, солгать, что мир в безопасности, если бы это было определенное время дня или определенное место — как и любой другой человек. Но не здесь. Не тогда, когда она была Вдовой.

Так что часть ее расслаблялась, а другая часть боролась с этим, следя за шрамами, пытаясь оставаться хладнокровной, отчужденной и рассудительной. Она была сломана, чтобы быть нерушимой. Она могла согнуться, но не могла измениться. Она все еще была тем, ради создания чего умерла напуганная маленькая девочка в Красной комнате. То, что она делала, чтобы угодить Клинту, чтобы успокоить ЩИТ. Она не могла больше сдаваться, не могла больше ослабевать, не могла физически.

И все же она старалась. Наташа упиралась в то, что даже не должно было быть возможным.

Клинт закончил швы. Боль отступила, и осознание того, что ей не нужно так сильно сопротивляться, ударило по Наташе. Она задохнулась, заставила свое тело еще больше напрячься, чтобы компенсировать демонстрацию слабости, и это, в свою очередь, отразилось на ее израненной плоти, ее разорванной ткани, напряжение в ней причиняло новую боль ее телу.

"Полегче!" — сказал Клинт, поддерживая ее плечи обеими руками, а затем обхватив ее лицо ладонями. Он погладил ее по щекам, убрал волосы с ее глаз, заставил ее почувствовать себя сосредоточенной так, как она не могла объяснить, — затем, словно смущенный этой близостью, он слегка отстранился.

Его кольцо-головоломка блеснуло голым блеском, когда он потянулся к ее молнии и снова расстегнул ее, аккуратно закрывая ее только что перевязанную рану на груди внутри комбинезона. Помолвлен... она не помнила, где находится, но помнила, что...

Боль отдавалась эхом, становясь слабее с каждым повторением. Наташа не могла удержать скованность, не могла заставить себя переносить боль во сне. Слезы захлестнули ее — захлестнули ее глаза, затем ее щеки, затем руки Клинта, когда он смахнул их. Она почувствовала тепло собственной крови, размазавшей по лицу грязь, песок и копоть.

http://erolate.com/book/403/3884